

ХЛЕБНИКОВ И АЗИЯ¹

СТАНИСЛАВ ЛАКОБА

Поэзию Хлебникова невозможно сравнить ни с одним из русских поэтов. Но его можно поставить в один ряд с китайцем Ван-Вэем и японцем Басе. Все трое следовали философии дао и чань (дзэн-) буддизма,² а Хлебников и Басе постоянно скитались, жили, слившись с природой, и были абсолютно беспомощны и беззащитны «перед натиском всевозможных житейских мелочей».³ Они воспевали росу и горы, цветы и деревья, реки и озера. Это Хлебников увидел «гнездо голубых змеиных яиц» и подумал об их матери, беседовал с жуком на «языке понятном обоим», заметил стрекозу, разбитую грозой, когда она пряталась на «нижней стороне древесного листа» и протянул руку к звездам, чтобы по ней проползла «улитка столетий»... Он говорил: «Небо будь камнем, Даль высока мне» и целый день пролежал «на песчаной отмели в обществе двух цапель, изучаемый каким-то мудрецом из племени ворон». А потом внезапно заключил: «Он не видел еще нагого человека...»(4, 81)*

Мало в ком из русских поэтов ощущается такое первозданное единение с природой: «Ушел ночью пешком из Железноводска, а пройдя верст пятнадцать вернулся, вспомнив, что забыл попрощаться с любимым нарзаном...».⁴ Вернулся, чтобы попрощаться с родником, как с самым близким человеком, ради которого, может быть, и не возвращался бы...

* Сноски даются по изданиям: Собрание сочинений Велимира Хлебникова в пяти томах. Л. 1928-1933 (с указанием в скобках тома и страницы) и *Велимир Хлебников*. Неизданные произведения. М. 1940 (сокращено НХ и страница).

1 В разное время темы «Хлебников и Азия» касались такие известные исследователи, как Е. Арензон, А. Гарбуз, В. Григорьев, Р. Дуганов, Вяч.Вс. Иванов, И. Камэяма, Ж.-К. Ланн, Ю. Лошиц и В. Турбин, А. Парнис, Н. Степанов, Н. Харджиев, Р. Якобсон и др. Данной теме посвятил ряд публикаций и автор предлагаемого сообщения: *Лакоба С.* Бодхисаттва-Хлебников и Восток // Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии. Сухуми, 1980. С.75-95; *Лакоба С.* Ночь и глаза дождя...(Эссе о параллелях в творчестве В.В. Хлебникова и В.Д. Бубновой) // Литературная Грузия. 1980. №2. С.123-128; Советская литература (на японском яз.).1981. №75. С.167-173; *Лакоба С.* «Крылились дни в Сухум-Кале...». Историко-культурные очерки. Сухуми, 1988. С.85-87.

2 В начале XX века об этой школе буддизма знали в Европе лишь единицы – Велимир Хлебников, Герман Гессе, Анри Матисс. – См.: *Завадская Е.В.* Культура Востока в современном западном мире. М., 1977. С.4.

3 *Самородова О.* Поэт на Кавказе // Звезда. 1972. №6. С.187.

4 Там же. С.192.

На Востоке такое поведение не вызвало бы недоумения, воспринималось бы как нечто общепринятое и едва ли запомнилось.

Конечно же, мало кто понимал тогда на родине его поступки, а тем более поэзию. Это непонимание русского, европейского читателя верно подметил О. Мандельштам: «Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии. Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе – железнодорожный мост или «Слово о полку Игореве». Поэзия Хлебникова идиотична, в подлинном, греческом, не оскорбительном значении этого слова... Хлебников шутит – никто не смеется. Хлебников делает легкие изящные намеки – никто не понимает...».⁵

И потому, по словам Хлебникова, он был вынужден «одиноким врачом в доме сумасшедших» нести «свои песни – лекаря». Еще в «Письме двум японцам» в 1916 г. Хлебников выразился следующим образом: «Я скорее пойму молодого японца, говорящего на старояпонском языке, чем некоторых моих соотечественников на современном русском...» (5, 155).

Поэт пытался раздвинуть рамки европейской культуры, открыть для России двери в духовный мир Востока. «Одним из первых в начале века, – пишет Вяч. Вс. Иванов, – Хлебников понял, что образы художников стран Азии и символы великих азиатских религий вторгаются в европейское искусство как предтечи будущих исторических потрясений».⁶

Нужно отметить, что интерес Хлебникова к Дальнему Востоку, его культуре вновь проявился в июне 1916 г., когда было подписано русско-японское соглашение.⁷ Он был вызван предстоящей поездкой в Россию японского принца Кан-Ина и изданием 11 сентября 1916 г. специального номера газеты «Кокумин Синбун», в которой были напечатаны обращенные к русской молодежи три письма японских юношей. Два из этих писем были затем перепечатаны в московской газете «Русское слово» (21 сентября 1916 г.).

Символично, что одним из авторов писем был японский юноша из города Юубари (Хоккайдо) по имени Иосукэ Мурата. Под текстами посланий, напечатанных в японской и русской газетах, упоминались и два других автора: Тоооо Морита и Сиотароо Ямана. В своем обращении Т. Морита писал: «Точно так же, как в нашей стране слились вместе западная и восточная культура, в недалеком будущем объединителем Дальнего Востока и культуры Северной Европы будет именно русское юношество, т.е. Вы».⁸

5 Мандельштам О. Буря и натиск // Русское искусство. 1923. №1. С.81.

6 Иванов Вяч. Вс. Структура стихотворения Хлебникова «Меня проносят на слоновых...» // Труды по знаковым системам. III. Ученые записки Тартуского ун-та. Вып.198. Тарту, 1967. С.162.

7 об этом подробнее пишет в своей книге И. Камэяма; См. Парнис А. «Туда, туда, где Изанаги...». Некоторые заметки к теме «Хлебников и Япония». М., 1985. С.90.

8 Там же. С.95-98.

Тогда же, в 1916 г., Хлебников откликнулся из Астрахани на японские послания. Он предлагал всем юношам Востока собраться на «Азийском съезде» в Токио, основать первый «Высший Учебн бюджетлян» из индусов, даяков, русских, японцев, китайцев, арендовать на 100 лет расположенные на берегу моря или среди гор у потухших вулканов земли – в Сиаме или в Сибири, в Японии или на Цейлоне, основать «Азийский Ежедневник песен и изобретений», построить железную дорогу вокруг Гималаев с ветками в Суэц и Малакку, думать не о греческом, а о восточном классицизме, ввести доступный всем единый язык чисел, составить словарь из образов и преданий всей Азии. И все это потому, что «Азия есть не только северная земля, населенная многочисленом народов, но и какой-то клочок письмен, на котором должно возникнуть слово Я... Итак, вырвем в лесу сосну, обмокнем в чернильницу моря и напишем знак-знамя «я – Азии». У Азии своя воля. Если сосна сломится, возьмем Гауризанкар» (5, 155-157).

Хлебников называл себя Председателем Земного Шара, включил в состав 317-ти Председателей и японца Т. Морита, подписывался как Король Времени Велимир 1-й (5, 153), говорил о поединке судьбы и человека, о «джину-джитцу с государством» (5, 270), высмеивал его полицейские функции:

Участок – великая вещь!
 Это – место свиданья
 Меня и государства.
 Государство напоминает,
 Что оно все еще существует! (5, 94)

Не случайно одно из своих стихотворений он назвал «Отказ», в котором говорит, что ему «гораздо приятнее смотреть на звезды, чем подписывать смертный приговор», «слушать голоса цветов», шепчущих «это он!», когда поэт проходит по саду, «чем видеть ружья» убивающие тех, кто хочет его убить. «Вот почему я никогда, Никогда Не буду правителем!» – провозглашал Хлебников.

Он называл себя дервишем, йогом, марсианином (5, 310). Как и многие поэты-философы Востока пренебрегал государственной службой, мечтал о таком «государстве», в котором «не будет алой крови» (4, 81).

Скитания Хлебникова были исканиями свободы. Именно они привели поэта на Восток. Даже само слово «Азия» было для него магическим. Он отождествлял Азию со свободой вообще.⁹ Хлебников был уверен, что она ближе к небу (5, 161) и призывал: «Свободу пей из звездного стакана».

Аз, по Хлебникову, это и «освобожденная личность, освобожденное Я». Некоторые исследователи этимологием имени «Азия» считают часто встречаю-

⁹ Парнис А.Е. Хлебников в революционном Гиляне // Народы Азии и Африки. 1967. №5. С.162-164.

щеся у поэта загадочное «Асцу». Этот словообраз-аббревиатура, обозначающий Евразию, возможно, восходит к ассирийскому «Асу», т.е. «Восток». В неизданной декларации Хлебникова «Азосоюз» упоминается и «священный остров Ассу».¹⁰

Хлебников поистине был самым космичным из всех русских поэтов.¹¹ Он мечтал поставить «лестницы к замку звезд», прибить «как войны свои щиты», пробить «стены умного черепа вселенной» и заставить ее, «божественную куклу, с сияющими по ночам глазами», «двигать руками и подымать глаза». Поэт писал: «Я вам расскажу, что я из будущего чую Мои зачеловеческие сны». И это о нем сказал внеземной ученый:

Вот обломок
Неизвестной звезды
По нему можно вычислить
Весь ход жизни этой звезды. (5, 102)

Почему?

Может быть потому, что он умел спросить у муравья: кто ты? А в тюлене увидеть Будду (5, 64), внимательно читать «весенние мысли бога на узоре пестрых ног жабы» (5, 66), а в спокойном лице верблюда – «развернутую буддийскую книгу»? (НХ, 359). Или только потому, что написал своему другу это краткое письмо: «Сад в цвету. Уехать нет сил – преступление. Приеду во вторник» (5, 135). Не выражена ли суть Востока в этих простых словах?

Тема Азии звучит во многих произведениях поэта, а также в статьях, декларациях, письмах, дневниках.

Следуя философии раннего буддизма, поэт говорил: «Цель бога быть ничем» (3, 146) и... «улыбался улыбкой Будды» (3, 95). Приверженность его к буддизму выражена и в словотворческом стихотворении «Смеянство древних зорь» (2, 268).

Отмечая тесную связь Хлебникова с дальневосточной поэзией, необходимо вспомнить одну из заповедей Басе: «Узнавать о соснах от сосен, о бамбуке – от бамбука». Этот «Метод Естественности» – традиционная для японцев и китайцев система мышления. Даосский философ Чжуан-цзы в связи с этим рассказывает о том, как некий пловец объяснил свой секрет переплывать бурный поток: «Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следуя за течением воды, не навязывая ей ничего от себя».¹²

В поэме «Устрруг Разина» Хлебников удивительным образом передал глубокое дыхание бушующего моря. Поэт как бы забыл о себе, оставив лишь штормящий Каспий. Кажется, что стихи эти родились сами собой.

¹⁰ Хлебников В. Творения. М., 1987. С.696, 707.

¹¹ Козлов Д. Новое о Велимире Хлебникове // Красная новь. 1927. №7. С.179.

¹² Григорьева Т. Японская художественная традиция. М., 1979. С.210.

Каждая строчка-волна и ее гребень, а страница, заполненная ими – море. Волны различные по силе, по высоте. Их даже можно сосчитать.

В отличие от активного европейского искусства в «эстетике чань (дзэн) мастер и материал, с которым он работает, равны друг другу в своей активности, а порой материал даже подчиняет себе мастера».¹³

Так и в данном примере: море диктует волну поэту, войдя в его берега, сделав своей частицей.

Где море бьется диким неужом, Ломая разума дела,	1-я волна
Ему рыдать и грезить не о ком, Оно морские удила	2-я
Соленой пеной покрывая Грызет узду людей езды.	3-я
Так девушка времен Мамаю, С укором к небу подымая	4-я
Свои глаза большой воды, Вдруг спросит нараспев отца:	падение 4-й
«На что изволит гневаться? Ужель она тому причина, Что меч суровый в ножны сует, Что гневная морщина, Его лицо сурово полосует, Согнав улыбку, точно хлам, Лик разделивши пополам?» По затону трех покойников, Где лишь лебедя лучи, Вышел парусник разбойников Иступить свои мечи.	

По одному только страшному имени Мамай можно представить одну из могучих волн. Она начинает расти широким цветком воды вдали от берега, но в ней уже скрыта сокрушительная сила. Она стремительно нарастает: «С укором к небу подымая». И вот у самого берега волна так высока и беспомощна, что ей уже тесно в выси. Она выбросила в изгибе последние капли в надежде превзойти себя и не разбиться. Она остановилась на мгновение, лицом касаясь неба: «Свои глаза большой воды», и молниеносно падает: «Вдруг спросит нараспев отца».

А потом – море брызг, лязг и скрежет морской гальки, рождает водоворот, разрушая новые волны. Все бурлит, пенится, пока шторм не умирает в тишине.

¹³ *Завадская. Культура Востока...* С.50.

По затону трех покойников,
Где лишь лебеда лучи,
Вышел парусник разбойников
Иступить свои мечи.

Возможно, эти стихи «Уструта Разина» имел в виду Хлебников, когда писал в своих «Записках из прошлого»: «Я и море – мы соединили свои голоса, и я пропел Разина, может быть первый на этом берегу, шагая по пятнам камней» (4, 321).

Хлебников шел по пути познания «дао» древнекитайского философа Лао-цзы («Лаотзы» - 3, 84), мечтал «обратить Азию в единый духовный остров» (5, 161), создать «общечеловеческую азбуку» (5, 217), вырастить из звукописи «дерево всемирного языка» (5, 269), «совершить постепенную сдачу власти звездному небу» (5, 161), чтобы человечество могло «рвать цветы на Марсе» (5, 273). Ко всем своим программам Хлебников относился очень серьезно. Так, в 1921 г. он предпринял паломничество в Персию. Почему? «Персия – страна, где завязывался общий узел Индии и России»,¹⁴ – отвечал поэт. Когда его спросили, почему он не пошел дальше, в Индию, то поэт объяснил это тем, что «Персия давила его древностью своей многовековой культуры. Он ощущал ее как колыбель человечества и тяжесть зрелости ее чувствовалась ему во всем, даже в красных цветах граната. Ему надо было передохнуть от ощущения этой тяжести».¹⁵

Поэту так и не удалось увидеть «Ганг, где темные люди – деревья ума» (5, 24), «совершить прогулку в Индию, где люди и божества вместе» (5, 298).

Можно вполне согласиться с выводом о том, что Хлебников действительно относится к тем поэтам, «чи творческие темы бывают во многом как бы «запрограммированы» обстоятельствами биографии, начиная с самого рождения».¹⁶ Особенно примечательно то, что он родился в «стане монгольских исповедующих Будду кочевников» (НХ, 352), в ставке «малодербетовского улуса» среди калмыков¹⁷ ламаистского вероисповедания. Вспоминая о своем детстве, Хлебников очень образно писал, что оно прошло там, где «море Китая затеряло в великих степях несколько своих брызг, и эти капли – станы... медленно узнавали общий быт и общую судьбу со всем русским лодом» (4, 118). Здесь, в Поволжье, на родине поэта, особенно вышукло проявлялись древние связи Руси с Востоком, его культурой и народами, религией и искусством, что и формировало их своеобразное двуединство, преломившееся в сознании людей проживающих там. Это удивительное сочетание нашло свое отражение и в творчестве Хлебникова, а две кажущиеся противоположности,

14 Хлебников. Творения. С.672.

15 Самородова. Поэт на Кавказе. С.190.

16 Лоциц Ю.М., Турбин В.Н. Тема Востока в творчестве Хлебникова // Народы Азии и Африки. 1966. №4. С.154

17 Степанов Н.Л. Велимир Хлебников. М., 1975. С.8

как день и ночь представляли единое целое. В автобиографическом очерке «Нужно ли начинать рассказ с детства?» поэт вспоминал: «Но ведь это я, но в другом виде, это второй я – этот монгольский мальчик»... (4, 119). В одном из фрагментов поэмы «Ладомир» Хлебников соединил учение Будды со славянской языческой мифологией:

И изречения Дзонкавы¹⁸
 Смешает с чистой росой,
 Срывая лепестки купавы,
 Славянка с русою косой.

Хлебников неоднократно отмечал, что для русской словесности Индия – «заповедная роща» (НХ, 341), говорил о времени, когда «проследование индусской литературы будет напоминать, что Астрахань – окно в Индию» (НХ, 351) и мечтал об «Индии на Волге» (2, 148). А цветок лотоса, увиденный им на Волге, Хлебников назвал «залогом союза трех: Индии+России+Ниппона».¹⁹ У поэта Изанаги просвещает своего славянского «собрата» Перуна, читая ему Моногатари (4, 259). И таких примеров множество.

Второе «я» поэта – монгольский мальчик-буддист, очень часто проявлялось в творчестве Хлебникова, определяло необычный, восточный ритм его мышления. Ошеломляющие на первый взгляд связи в поэме «Зверинец» (1909 г.) и вера в «единство всего живого»,²⁰ производят неизгладимое впечатление. В одном из писем поэт писал тогда: «Я был в Зоологическом саду и мне странно бросилась в глаза какая-то связь верблюда с буддизмом, а тигра с Исламом» (НХ, 359).

Созданию «Зверинца» предшествовало странное состояние Хлебникова. Ему казалось, что он на грани смерти. Подобное состояние Басе (XVII в.) объяснил своим ученикам перед смертью: «Вчерашнее стихотворение – это сегодняшнее предсмертное стихотворение. Сегодняшнее стихотворение будет завтрашним предсмертным стихотворением. Стихи, что я написал за всю свою жизнь, каждое из них – это предсмертное стихотворение».

Как известно, хокку неразрывно связаны с дзэн-буддизмом и с именем их реформатора и классика Басе. Хокку рассматривалось как результат сатори, озарение, «неожиданный взрыв, открывающий новое видение мира». Басе отмечал: «Создание стиха должно происходить мгновенно, как дровосек валит могучее дерево или как воин кидается на опасного противника».²¹ Велимир Хлебников называл «сатори» по-своему – «безумной мыслью». В

18 Цзонкаба («Дзонкава») – реформатор ламаистской ветви буддизма, XIV в. См.: Кочетов А.Н. Ламаизм. М., 1973. С.30-31.

19 Парнис. «Туда, туда...». С.91.

20 Степанов. Велимир Хлебников. С.58.

21 Бреславец Т.И. Некоторые аспекты эстетической концепции Басе // Вопросы японской филологии. Вып. III. МГУ. 1975. С.100.

«Своими» он упоминает, что «Девятого бога» писал двенадцать часов подряд. «Девый бог», как не имеющий ни одной поправки, – пишет поэт, – возникший случайно и внезапно, как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли» (2, 10). Русский поэт не был знаком с дневниками японца, но нас интересуют «совпадения» их взглядов на процесс творчества, параллельность, некая органическая «случайность», которая роднит их. Свое необычное состояние перед созданием «Зверинца» Велимир Хлебников описал так: «Я знаю, что умру лет через 100, но, если верно, что мы умираем, начиная с рождения, то я никогда так сильно не умирал как эти дни... Вот почему ощущение смерти не как конечного действия, а как явления сопутствующего жизни в течение всей жизни, всегда было слабее и менее ощутимо, чем теперь» (НХ, 355-356). Ощущение смерти, «пограничная ситуация», ее иллюзия, позволяли как японскому, так и русскому поэтам по-новому видеть и раскрывать для себя суть окружающего мира. «Пред смертью жизнь мелькает снова, Но очень скоро и иначе», – писал Хлебников в стихотворении «Ни хрупкие тени Японии» (2, 205).

И еще одно «совпадение» единства. У Басе есть известное хокку в современном переводе Веры Марковой:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

Однако в переводе современника Хлебникова М. Ямагучи (1913 г.) это хокку представлено одной строчкой:

На засохшей ветке сидит ворона.

А Г. Рачинский (1914 г.), переведивший стихотворение Басе не с оригинала, а западных исследований о японской литературе, опубликовал другой вариант:

Каркая, ворон
К ночлегу уселся
На ветку сухую.

Был ли знаком Хлебников с этими переводами японской поэзии, трудно сказать.²² Но тема ворона оказалась близка и его творчеству:

²² Автор выражает признательность японоведе Людмиле Ермаковой за любезно предоставленные ценные сведения о переводах Басе на русский язык при жизни Хлебникова. См.: *Ямагучи М.* Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии. Спб., 1913. С.81; *Рачинский Г.А.* Японская поэзия. М., 1914. С.20.

Голые рощи. Сосна одиноко
Темнеет. Ворон на ней. (З, П4)

Или:

Я белый ворон, я – одиночек.

Японский теоретик дзэн Д. Судзуки отмечал: «Художник дзэн двумя-тремя словами или двумя-тремя ударами кисти способен высказать свои чувства. Если он выразит их слишком полно, не останется места для намека, а именно в намеке заключена вся тайна японского искусства».²³

Известно, что с 19-ти лет Хлебников начал изучать японский язык.²⁴ Но был ли он знаком с японской поэзией? Да, был. Едва ли не первым из писателей Европы он оценил значение японской поэзии. Незадолго до смерти он собирался прочесть лекцию о японском стихосложении. А в 1913 г. в письме поэту А. Крученых Хлебников писал: «Японское стихосложение. Оно не имеет созвучий, но певуче... Заключает, как зерно, мысль и как крылья или пух, окружающий зерна, – видение мира. Я уверен, что скрытая вражда к созвучиям и требование мысли, столь присущие многим, есть погода перед дождем, которым прольются на нашу землю японские законы прекрасной речи... Здесь предметы видны издали, точно дальний гибнущий корабль во время бури с дальнего каменного утеса» (5, 298).

Александр Парнис отмечает, что 1917-1919 гг. явились для Хлебникова временем переписки с японскими юношами.²⁵ В письме к матери 19 февраля 1917 г. он сообщает, что послал «японские стихи».²⁶ Не удивительно, что у Хлебникова просвечивают строчки, напоминающие хокку, своеобразную стилизацию под японскую поэзию. Так, в поэме «Синие оковы», посвященной сестрам Синяковым, обращает на себя внимание трехстишие:

Кап, кап, кап!
Падали вишни в кувшин:
Алые слезы садов.

Еще Мандельштам отмечал: «Каждая его строчка – начало новой поэмы. Через каждые десять стихов афористическое изречение, ищущее камня или медной доски, на которой оно могло бы успокоиться».²⁷ В Японии очень часто стихи высекают на твердом материале, а в поэме Хлебникова «Ка» девушка пишет танку на камне (4, 55). Поэт был хорошо знаком с этой формой древнеяпонского пятистишья. Свидетельствует об этом и произве-

²³ Григорьева. Японская... С.208.

²⁴ Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове // День поэзии. 1975. С.201.

²⁵ Парнис. «Туда, туда...». С.93.

²⁶ Парнис. «Туда, туда...». С.98.

²⁷ Мандельштам О. Буря и натиск. С.81.

дение «13 танка», где бабочка-чао «смотрит на открытое письмо с древним самураем в броне из чешуи», высокомерные брови которого падают «вниз на переносицу, как крылья морского орла», летящего на рассвете солнца с Фудзиямы к пустынному берегу (4, 324).

Как уже говорилось, Хлебников рано, в 1904 г.,²⁸ занялся изучением японского языка. Своему другу Б. Денике (впоследствии известный востоковед и автор книг о японском искусстве), он объяснял тогда, что ищет в нем «особых форм выразительности».²⁹ Возможно, именно эти занятия привели Хлебникова к плавке корней слов, открытию им «жидкого состояния языка».³⁰ «Как пример истинного словотворчества, – писал Н. Бурлюк, – я укажу «Мирязь» Хлебникова, слово-миф».³¹ Одно из самых ранних словотворческих произведений поэта «Песнь Мирязя» было написано в 1907 г. Здесь новые слова-иероглифы (как можно их условно назвать) получают самые многозначные смысловые оттенки.

В одной из своих статей поэт говорил о том, что слову не может быть предъявлено требование «будь понятно как вывеска», ибо речь «даже непонятная какими-то семенами падает в чернозем духа и позднее загадочными путями дает свои всходы». «Молитвы многих народов написаны на языке, непонятном для молящихся. Разве индус понимает Веды? Старославянский язык непонятен русскому» (5, 225-226).

Обращаясь к художникам мира, Хлебников отмечал: «...Мы стоим на первой площадке лестницы мыслителей и застаем на ней уже подымавшихся художников Китая и Японии – привет им!». С этой лестницы поэту открывались «виды на общечеловеческую азбуку» (5, 217).

Глубокому знанию не только японской, но и индийской, китайской философии, религии, истории, несомненно, способствовала тесная дружба с юношеских лет с Б.П. Денике, который «интересовал поэта как историк восточного искусства».³² Подругой Хлебникова была и Н.Д. Николаева, занимавшаяся изучением китайского искусства (НХ, 481).

У поэта китайский бог неба Тиен беседует с индийским богом ветров Индрой, богиня Астарта восхищается художником Хокусаем, в «одежде из черных змей» извивается разрушающее божество индийской мифологии Кали (4, 259-262), а японка молится небу на Амуре, «руки сложив во время грозы» (5, 25).

Хлебников не зря называл себя «сыном Азии» (НХ, 472). Люди, знакомые с ним, не без удивления отмечали, что «он мог рассказать и о китайской медицине». Поэт «хорошо знал философию средневекового Востока». Все

28 Парнис А. «Туда, туда...». С.92.

29 Харджиев. Новое... С.201.

30 Лившиц Б. Дубина на голове русской критики // Футуристы. №1, 2. М., 1914. С.103.

31 Бурлюк Н. Поэтические начала // Футуристы. №1, 2. М., 1914. С.83.

32 Харджиев. Новое... С.202.

это во многом было обусловлено тем, что он «родился и провел детство на стыке Европы и Азии».³³

Насколько Хлебников проникся восточным миропониманием («монгольский мальчик») видно на примере стихотворения «Ветер-пение».

...Люди лелеют день смерти,
Точно любимый цветок,
В струны великих, поверьте,
Ныне играет Восток.
Быть может, нам новую гордость
Волшебник сияющих гор даст,
И, многих людей проводник,
Я разум одену, как белый ледник.

Смысл слов «люди лелеют день смерти» не приемлем для европейца. Он не воспринимает конец так, как скажем, японец, который видит в смерти ту же закономерность, что и в смене времен года, «воспринимая ее не как абсолютный конец, а как переход в иное состояние».³⁴

Хлебников был хорошо знаком с книгой В.А. Кожевникова «Буддизм», изданной в 1916 году. Об этом говорит и хранящийся в архиве Вс. Иванова текст прозаического диалога Хлебникова «Колесо рождений».³⁵

Учение Будды направлено на прекращение перерождений, а достигший нирваны становится Буддой. Роль Бодхисаттвы заключена в том, чтобы быть своего рода посредником между людьми и Буддой, проводником, на пути, ведущем в нирвану. «А я Бодисатва на белом слоне Как раньше задумчив и гибок» (НХ, 253), - писал Хлебников.

Темой посредничества между Россией и Востоком, Востоком и Западом проникнуто и наиболее значительное восточное произведение Хлебникова «Есир». В отличие от многих других поэтов, писателей Азия заинтересовала его «не только потому, что она где-то рядом, что она таинственна и экзотична. Азия влекла его как желанное дополнение к тому, что знаем о судьбе человека мы, европейцы, как школа, которую нам необходимо пройти».³⁶ Хлебников лишен идеи европоцентризма, более того, восточный образ мышления, культура возведены им в некий абсолют. Даже в письме своему издателю поэт писал: «Пусть сборник будет прозрачен, как капли воды, как сказал бы восточный человек» (НХ, 361).

33 *Березарк И.* Встречи с Хлебниковым // Звезда. 1965. №12. С.173; *Парнис А.Е.* В. Хлебников – сотрудник «Красного воина» // Литературное обозрение. 1980. №2. С.105.

34 *Григорьева Т.* И еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 1975. №7. С.257.

35 *Иванов.* Структура стихотворения... С.163.

36 *Лоциц, Турбин.* Тема Востока... С.148.